А. Кизеветтеръ.

Русское общество въ восемнадцатомъ столѣтіи.

Изданіе
„Донская Рѣчь",
Ростовъ н-Д.

2-й экз.

„Пров 38“

ЭК
128

Дозв. цензурою 26 іюня 1903 года. Ростовъ на Дону.

БИБЛІОТЕКА
ЮРИДИЧЕСКОЙ
АКАДЕМІИ.
1774
26

Ростовъ на Дону.
Типографія Т-ва «Донская Рѣчь».
1904.

Русское общество
въ восемнадцатомъ столѣтіи.

Обзоръ состоянія русскаго общества XVIII вѣка, который мы намѣрены предложить вниманію читателей, составится изъ трехъ очерковъ: Мы разсмотримъ по очереди тогдашнія условія жизни—1) землевладѣльцевъ-дворянъ, 2) земледѣльцевъ-крестьянъ и 3) торгово-промышленнаго населенія тогдашнихъ городовъ и предпошлемъ этимъ очеркамъ краткое историческое введеніе.

I.

Московское государство и реформа Петра Великаго.

Перенесемся мысленно лѣтъ за 400 назадъ, ко временамъ Ивана III-го, попробуемъ окинуть общимъ взглядомъ тогдашнюю Россію и сравнить ее съ Россіей нашего времени. Мы едва повѣримъ, что передъ нами—одна и та же страна, одно и то же государство только въ два разные момента исторической жизни. Нѣтъ ни одной схожей черты! Начнемъ съ внѣшнихъ очертаній. При словѣ «русское государство» въ нашемъ сознаніи тотчасъ является мысль о великой, необъятной равнинѣ, раскинувшейся во всѣ стороны въ необозримую даль въ двухъ частяхъ свѣта. Отыскиваемъ русское государство на историческихъ картахъ XVI вѣка, и передъ нами вырисовывается скром-

ный, маленькій клинъ, съ сѣвера примыкающій къ Ледовитому океану и едва-едва спускающійся до середины восточно-европейской равнины, приблизительно до средняго теченія Оки. Восточнѣе и южнѣе слѣды культурной осѣдлости исчезаютъ,—тянется «дикое поле», невоздѣланное и незаселенное осѣдлыми жителями пространство. Этотъ скромный по объему клинъ сплошнымъ кольцомъ окруженъ страшными враждебными сосѣдями.

Со всѣхъ сторонъ кишатъ враги. Съ востока и юга протянулись татарскія кочевья, съ запада ширится, крѣпнетъ и тѣснитъ Русь молодое литовское государство. Московскому государству пала на долю суровая, безпокойная напряженная жизнь. Оно выростало подъ непрерывный громъ вооруженной борьбы: каждый годъ крѣпла война то на той, то на другой его границѣ. Жить можно было не иначе, какъ постоянно обороняясь. Въ промежуткѣ между большими войнами—тоже не было отдыха: крупныя вторженія враговъ перемежались мелкими набѣгами отдѣльныхъ шаекъ, которыя приносили не меньше вреда, постоянно безпокоя мирныхъ трудящихся жителей и истребляя плоды ихъ трудовыхъ заботъ. Никто не могъ быть увѣренъ въ завтрашнемъ днѣ, всѣ думали объ одномъ:—защитѣ, самооборонѣ. Такъ жило московское государство, этотъ маленькій клинъ, вѣчно ощетиненный оружіемъ на всѣ стороны. То была безпрерывная, ежедневная борьба съ сильными сосѣдями не на животъ, а на смерть. Эта-то вѣчная военная опасность, неизсякаемая потребность въ самооборонѣ—и легла неизгладимою печатью на весь складъ московскаго государства, на все его внутреннее устройство. Все московское государство устроилось по типу военнаго лагеря. Какъ въ военномъ лагерѣ всѣ должны безусловно и безпрекословно повиноваться одному вождю, подчиняясь общей суровой дисциплинѣ, всѣ должны равномѣрно нести общую службу, и никто не можетъ быть оставленъ безъ обязательнаго дѣла, такъ и въ московской Руси всѣ и каждый, какъ одинъ человѣкъ, обяза-

ны были отправлять всю жизнь, до самой смерти, опредѣленныя, разъ навсегда наложенныя на нихъ, государственныя службы.—Никто не былъ изъятъ изъ общаго «государева дѣла»: слишкомъ были нужны тогда государству служилыя и рабочія силы, и вотъ почему каждый человѣкъ состоялъ на строгомъ счету у правительства, каждый несъ то или другое «тягло».— Но для успѣшнаго выполненія великой задачи національной самообороны недостаточно было заставить всѣхъ безъ исключенія нести опредѣленныя службы, необходимо было внести въ эту общую всенародную работу точно установленный порядокъ и планъ. Въ военномъ лагерѣ, осажденномъ врагами, каждый долженъ отчетливо знать свое мѣсто и дѣло, выполнять его быстро и увѣренно, чтобы не происходило никакихъ замѣшательствъ и остановокъ въ страшную минуту борьбы. Такъ было и въ московскомъ государствѣ. Всѣ классы общества одинаково участвовали въ національной оборонѣ родины отъ Литвы и татаръ. Но каждому классу была указана разъ навсегда своя *опредѣленная роль* въ этой общей работѣ. Для обороны страны нужны были прежде всего два орудія—*войско* и *деньги*. Сообразно этому и все населеніе тогдашней Руси было разбито на отдѣльные классы или, какъ они тогда назывались, «чины». *Служилые люди* должны были составлять собою государево *войско*, а также пополнять ряды тогдашней бюрократіи, которой была поручена государственная администрація; купцы и крестьяне составляли классъ *тяглыхъ* людей, несли податное тягло, т. е. поставляли въ казну *деньги*. Служилый человѣкъ обязанъ былъ нести ратную или приказную службу въ теченіе всей своей жизни. Служба продолжалась до гробовой доски. Ни старость, ни раны не освобождали вполнѣ служилаго человѣка отъ возложенныхъ на него государствомъ обязательствъ. При этомъ ни родъ, ни мѣсто службы не зависѣли отъ свободнаго выбора служилаго человѣка: каждый служилъ тамъ и такъ, какъ ему было предписано свыше. Средствомъ для отправленія служебныхъ обязанностей явля-

лись такъ называемыя *помѣстья,* т. е. надѣлы государственныхъ земель, которые предоставлялись въ пользованіе служилаго человѣка вмѣстѣ съ поселенными на этихъ земляхъ крестьянами.

Подобно тому, какъ служилые помѣщики были закрѣпощены пожизненной ратной или приказной (т. е. административной) службѣ, крестьяне были закрѣпощены помѣщикамъ и должны были своимъ обязательнымъ, крѣпостнымъ трудомъ воздѣлывать служилыя земли для того, чтобы помѣщики могли на извлекаемые изъ земли доходы нести свои ратныя службы. Такимъ образомъ, крѣпостное право на крестьянъ установилось въ московскомъ государствѣ не столько въ интересахъ помѣщиковъ, сколько въ интересахъ государства: если крестьянинъ былъ вѣчно обязанъ работать на помѣщика, зато и помѣщикъ былъ вѣчно обязанъ служить государству.

Отсюда тотъ выводъ, что съ прекращеніемъ обязательной службы помѣщиковъ историческая логика требовала также и уничтоженія крѣпостной зависимости крестьянъ.—Кромѣ того, крестьяне платили въ казну подати со своихъ запашекъ. Наконецъ, торгово-промышленный классъ, такъ называемые «посадскіе люди», также были принудительно закрѣпощены извѣстному обязательному роду дѣятельности: ихъ служба заключалась въ обязательномъ веденіи торгово-промышленныхъ предпріятій. Какъ помѣщикъ былъ пригвожденъ на всю жизнь къ походному сѣдлу, а крестьянинъ—къ помѣщичьей нивѣ, такъ посадскій человѣкъ былъ пригвожденъ къ городской лавкѣ, въ которой онъ обязанъ былъ всю жизнь торговать для того, чтобы съ своего оборотнаго капитала платить въ казну подать.

Строго запрещалось, какъ переходить изъ одного общественнаго класса въ другой, такъ и совмѣщать занятія и повинности различныхъ общественныхъ состояній. Никто не смѣлъ давать государству *ни меньше, ни больше* того, что на него обязательно было возложено. Только служи-

лые люди владѣли землей, только крестьяне воздѣлывали пашни, только посадскіе люди могли торговать и промышлять на посадѣ.

Таково было общественное устройство старой московской Руси*). Это была Россія—сверху до-низу крѣпостная: первый бояринъ совершенно такъ же, какъ и послѣдній крестьянинъ, были невольны въ устроеніи своей жизни, были скованы по рукамъ и ногамъ суровыми и непреклонными правилами обязательнаго для всѣхъ порядка. Классы общества различались другъ отъ друга по *роду* своихъ службъ, по *содержанію* своихъ повинностей, но всѣ одинаково являлись, какъ говорилось тогда, подневольными «государевыми холопами».

Тяжелъ былъ этотъ порядокъ, но при всей его тяжести въ немъ были двѣ черты, способствовавшія примиренію съ нимъ тѣхъ, кто сумѣлъ бы возвыситься до его обобщающей критики. Во-первыхъ, общественныя жертвы, вызываемыя этимъ порядкомъ, оправдывались очевидной для всѣхъ необходимостью. Государственная самооборона, на которую онъ былъ разсчитанъ, являлась для всѣхъ насущнымъ, неотложнымъ интересомъ. Правда, всѣ силы націи цѣликомъ уходили въ одну военную борьбу; но безъ такого страшнаго и односторонняго напряженія народныхъ силъ нельзя было бы въ то время отвоевать у враждебныхъ сосѣдей независимость и цѣлость родины, отстаивать ее отъ чужеземнаго ига. Во-вторыхъ, въ основѣ этого порядка лежало начало общественной справедливости: государственное бремя падало безъ изъятія на *всѣ* общественные классы.

Въ такомъ состояніи застала русское общество бурная эпоха Петровскихъ преобразованій. Къ началу XVIII ст. русское государство, правда, уже не было по своимъ размѣрамъ тѣмъ скромнымъ клиномъ, о которомъ говорилось въ первыхъ строкахъ настоящей главы: этотъ клинъ успѣлъ

*) Подробности читатель найдетъ въ книжкѣ г. Строева „Очерки московскаго государства“, изданіе „Донская Рѣчь“. Здѣсь мы отмѣчаемъ лишь тѣ черты, которыя намъ нужны для послѣдующаго изложенія.

уже значительно раздвинуться съ обоихъ боковъ, а его южное острiе вонзилось далеко вглубь степного чернозема. Но всѣ эти успѣхи въ ростѣ государственной территорiи доставались Россiи дорогой цѣной все такой же отчаянной вооруженной борьбы; а пока продолжалъ сохранять все свое значенiе этотъ основной жизненный нервъ московскаго государства, до тѣхъ поръ нельзя было ожидать и какихъ либо существенныхъ перемѣнъ въ общемъ строѣ тогдашней общественной жизни.

Извѣстно, какъ много преобразованiй пронеслось надъ русскимъ обществомъ въ царствованiе Петра I. Теперь уже окончательно выяснено, что всѣ эти преобразованiя не явились экспромптомъ: они были подготовлены реформацiоннымъ движенiемъ XVII-го столѣтiя. Но нельзя отрицать того, что при Петрѣ ходъ этихъ преобразованiй получилъ особенно усиленный, лихорадочно-спѣшный темпъ. Выполненiе реформы приняло характеръ террора. Казалось, Россiя сразу была выбита изъ своей насиженной исторической колеи на какой-то новый путь.—Измѣнился внѣшнiй обликъ русскаго человѣка: боярскiя бороды упали подъ царскими ножницами, длиннополые кафтаны смѣнились нѣмецкими камзолами. Русскiй человѣкъ былъ засаженъ вплотную за нѣмецкую книжку, изъ которой онъ долженъ былъ выучить много новыхъ наукъ, необходимыхъ для военнаго дѣла и гражданскаго управленiя. Во всѣхъ областяхъ государственнаго строя быстро заводились новые порядки на западно-европейскiй ладъ. Такъ много необычайнаго, невиданнаго и неслыханнаго завелось въ то время на Руси, энергичный и взыскательный царь, не знавшiй усталости и не терпѣвшiй неповиновенiя, такъ круто и быстро принялся вытрясать изъ русскаго человѣка своей знаменитой дубинкой засѣвшiе въ немъ вѣками прадѣдовскiе обычаи и привычки, что многiе русскiе люди, оторопѣвъ отъ этого вихря непривычныхъ впечатлѣнiй, начали уже серьезно подумывать о томъ: «да подлинно ли это настоящiй царь сидитъ у нихъ на престолѣ, не подмѣни-

ли ли его нѣмцы, когда онъ ѣздилъ въ свое заграничное путешествіе». Другіе болѣе рѣшительные люди прямо высказывали мысль, что настоящій царь забитъ нѣмцами въ бочку и пущенъ въ море, а вмѣсто него на Русь пріѣхалъ подъ его именемъ самъ антихристъ!

И однако, несмотря на всѣ эти новшества, на всю эту преобразовательную горячку—къ чему собственно сводились перемѣны, произведенныя при Петрѣ въ положеніи различныхъ классовъ русскаго общества? Общество одѣлось въ новыя платья, заговорило другимъ языкомъ, получило новыя учрежденія, но... по-прежнему осталось сверху до-низу *закрѣпощеннымъ*. Не надо забывать, что при Петрѣ военная, боевая жизнь русскаго государства не только не прекратилась, но обострилась еще болѣе: вѣдь все время царствованія Петра, цѣлыхъ 20 лѣтъ подрядъ, кипѣла грандіозная борьба со Швеціей.

Эта борьба покрыла русское оружіе громкой славой подъ Полтавой, доставила Россіи доступъ къ Балтійскому морю, но зато и напрягла до крайней степени боевыя и платежныя силы народа. Вотъ почему Петръ не только не ослабилъ, но еще болѣе усилилъ тягости, наложенныя государствомъ на общество, вотъ почему, видоизмѣнивъ во многомъ внѣшнія *формы* государственныхъ учрежденій, Петръ оставилъ въ полной неприкосновенности *основныя исходныя начала* старой системы общественнаго устройства. Бѣглый взглядъ на преобразованія Петра, коснувшіяся положенія общественныхъ классовъ, подтвердитъ и выяснитъ эту мысль.

До Петра каждый классъ общества несъ свою спеціальную государственную повинность. Со времени Петра для всѣхъ классовъ тягость государственныхъ повинностей была *удвоена:* каждый классъ по прежнему несъ свою *спеціальную* повинность, а сверхъ того на всѣ классы безъ различія была наложена еще *всесословная* повинность. Такой всесословной повинностью явилась со времени Петра военная служба съ тѣхъ поръ, какъ старинныя ополченія слу-

жилыхъ помѣщиковъ окончательно были замѣнены всесословной регулярной арміей. Участвуя въ пополненіи этой арміи посредствомъ рекрутскихъ наборовъ, крестьяне и купцы въ то же время по-прежнему несли свои спеціальныя тягла: первые по-прежнему оставались въ крѣпостной зависимости отъ дворянъ землевладѣльцевъ, и тѣ, и другіе по-прежнему вносили государственныя подати. Что касается дворянъ, то и на этотъ классъ также было наложено двойное бремя повинностей: его прежняя спеціальная повинность—ратная была теперь сдѣлана всесословной, зато на этотъ классъ была наложена новая спеціальная повинность—*обязательнаго обученія*. Это «дворянское ученье» носило чисто утилитарный, прикладной характеръ и получило всѣ черты государственной службы. Въ то время, какъ рекруты изъ податныхъ сословій вступали рядовыми *въ армію*, дворянскія дѣти начинали военную службу рядовыми въ *гвардіи* и затѣмъ выходили оттуда по выслугѣ въ армію *офицерами*. Для выполненія офицерскихъ обязанностей по обученію солдатъ военному строю—и требовалась отъ дворянъ предварительная учебная подготовка по обязательной правительственной программѣ. Ходъ этой подготовки, какъ и вся карьера служилаго дворянина, былъ подчиненъ строго предусмотрѣннымъ правиламъ. Сущность этихъ правилъ заключалась въ слѣдующемъ. Семи лѣтъ дворянскіе «недоросли» *) должны были явиться на первый служебный смотръ, гдѣ ихъ заносили въ служилые списки; 12-ти лѣтъ дворянскій «недоросль» являлся на вторичный смотръ, который имѣлъ значеніе перваго экзамена. Его экзаменовали въ умѣньи читать и писать, затѣмъ онъ навсегда прощался со своей дѣтской комнатой и всецѣло отдавался во власть государства: его записывали въ правительственную школу. 16-ти лѣтъ—новый смотръ, на этотъ разъ производившійся для всѣхъ дворянъ лишь въ

*) „Недоросль“—техническій терминъ. Такъ называли встарину молодого дворянина, еще не достигшаго служебнаго совершеннолѣтія, еще не ставшаго „новикомъ“.

двухъ мѣстахъ—Петербургѣ и Москвѣ. Здѣсь, при сенатѣ или сенатской конторѣ,—новый экзаменъ по ариѳметикѣ и геометріи. Выдержавшіе переводились въ дальнѣйшіе классы, гдѣ ихъ ждала географія, исторія и фортификація. Неудача на этомъ вторичномъ экзаменѣ грозила крушеніемъ всей дальнѣйшей карьеры дворянина: неудачниковъ сдавали безъ выслуги въ матросы. Четвертый и послѣдній смотръ производился 20-ти лѣтнимъ недорослямъ. Теперь «недоросль» превращался въ «новика» и надѣвалъ на себя пожизненную служебную лямку. Приведенная картина изъ жизни молодого дворянина петровской эпохи весьма знаменательна. Мы видимъ, что при Петрѣ государственное закрѣпощеніе высшаго общественнаго класса не ослабилось, а усугубилось. До-петровское правительство считалось съ служилымъ человѣкомъ лишь съ того момента, когда онъ изъ «недоросля» становился «новикомъ», полноправнымъ членомъ помѣстной рати. Теперь, при Петрѣ, правительственный указъ стережетъ молодого дворянина у самой колыбели, вторгается въ его учебную комнату, укладываетъ въ опредѣленныя, неизмѣнныя рамки не только его служебный трудъ, но и всѣ отправленія его умственной жизни.

За порогомъ школы, при первыхъ же шагахъ на служебномъ поприщѣ «новикъ» встрѣчался лицомъ къ лицу еще съ однимъ нововведеніемъ—такъ называемою «табелью о рангахъ». Эта «табель» существеннымъ образомъ измѣняла внѣшнюю обстановку службы, создавала совершенно новое русло для теченія служебной карьеры: всѣхъ «новиковъ» безъ различія ихъ «отеческой чести», т. е. ихъ происхожденія, ставили при началѣ службы на одну и ту же линію, предоставляя затѣмъ ихъ собственному служебному таланту и усердію возводить ихъ на ту или иную высоту по единообразной лѣстницѣ вновь установленныхъ чиновъ. Въ старой московской Руси было не такъ. Всѣ служилые роды дѣлились по степени ихъ знатности, древности и родовитости на нѣсколько категорій, и каждая изъ этихъ категорій могла претендовать лишь на из-

вѣстный кругъ чиновъ. Сынъ знатнаго боярина *начиналъ* свою служебную карьеру *прямо* съ того чина, который для какого-нибудь провинціальнаго дворянина являлся лишь конечнымъ завершеніемъ всѣхъ служебныхъ успѣховъ. Распорядокъ службы въ московской Руси основывался, такимъ образомъ, на двухъ конкурирующихъ началахъ—личной выслуги и отеческой чести. Петровская «табель о рангахъ» совершенно отбрасывала начало «отеческой чести» и ставила личную выслугу единственнымъ регуляторомъ служебной карьеры.

Оставивъ дворянина по-прежнему закрѣпощеннымъ службѣ, Петровская реформа всецѣло подчиняла самую службу усмотрѣнію государственной власти. Родовыя преданія являлись раньше единственнымъ уголкомъ, куда служилый человѣкъ могъ, хотя бы отчасти, укрываться отъ велѣній всемогущаго государства;—Петръ разрушилъ и этотъ уголокъ, и теперь государственное вмѣшательство въ жизнь закрѣпощеннаго служилаго дворянства не знало уже никакихъ предѣловъ, никакихъ границъ.

Таково было *служилое* положеніе дворянства со времени Петровскихъ преобразованій. Посмотримъ, какъ измѣнилось за то же время его *землевладѣльческое* положеніе. Въ московской Руси въ рукахъ служилыхъ людей сосредоточивались два вида земельныхъ владѣній—*вотчины*, т. е. земли, составлявшія полную *собственность* служилыхъ людей, свободно отчуждавшіяся по усмотрѣнію владѣльца и переходившія по наслѣдству, и *помѣстья*—земли, составлявшія собственность государства и надѣлявшіяся служилымъ людямъ лишь въ *пользованіе* въ строго опредѣленныхъ размѣрахъ для матеріальнаго обезпеченія службы. Помѣстья не наслѣдовались и не отчуждались по усмотрѣнію владѣльца. Съ созданіемъ регулярной арміи раздача казенной земли въ помѣстья прекратилась, земля перестала являться обезпеченіемъ службы, и Петръ офиціально отмѣнилъ всѣ прежнія различія между помѣстьями и вотчинами. Каковы же были результаты этой пе-

ремѣны для землевладѣльческихъ правъ дворянства? Указомъ 1714 г. Петръ подчинилъ *всѣ* безъ различія дворянскія земли—какъ прежнія помѣстья, такъ и прежнія вотчины—однимъ и тѣмъ же законодательнымъ опредѣленіямъ. Всѣ дворянскія земли были объявлены наслѣдственными, но зато всѣ онѣ были объявлены также недробимыми и неотчуждаемыми. Права наслѣдованія и завѣщанія были ограничены узаконеніемъ обязательнаго *единонаслѣдія*, а право отчужденія совсѣмъ было отнято у дворянства и по отношенію къ бывшимъ помѣстьямъ, и по отношенію къ бывшимъ вотчинамъ. Такимъ образомъ, несомнѣнно, указъ 1714 г. не расширялъ, а суживалъ землевладѣльческія права дворянъ, подчиняя ихъ потребностямъ той же государственной службы.

Правило объ единонаслѣдіи дворянскихъ земель ставило многія дворянскія фамиліи въ затрудненіе. Богатые дворяне еще могли найти выходъ изъ этого затрудненія—одному наслѣднику они оставляли землю, другихъ удовлетворяли движимымъ имуществомъ и деньгами; но что было дѣлать дворянину средняго достатка, послѣ котораго оставалось нѣсколько наслѣдниковъ? Земля была его единственнымъ капиталомъ, а дробить ее было запрещено. И вотъ, встрѣчались такіе случаи: завѣщатель отдавалъ одному наслѣднику землю, а другимъ—подъ видомъ движимаго имущества предоставлялъ хозяйственныя постройки на этой землѣ, усадьбу, инвентарь. Одинъ получалъ имѣніе безъ инвентаря, другой—инвентарь безъ имѣнія. Можно себѣ представить, какія тяжбы, столкновенія, какія пертурбаціи въ хозяйственномъ обиходѣ возникали и множились на почвѣ такого распорядка! Недаромъ по смерти Петра дворянство въ одинъ голосъ взмолилось объ отмѣнѣ указа 1714 г. Намъ ясно теперь, что дворянинъ Петровской эпохи, ни какъ служилый человѣкъ, ни какъ землевладѣлецъ, не сталъ свободнѣе и самостоятельнѣе своего предка отъ произведенныхъ Петромъ преобразованій. Если мы обратимся затѣмъ къ посадскому человѣку.

къ крестьянину Петровской эпохи, передъ нами опять встанутъ фигуры, отъ которыхъ такъ и вѣетъ XVII-мъ вѣкомъ. Правда, съ введеніемъ подушной подати они нѣсколько иначе отправляютъ теперь свои податныя обязанности, но и здѣсь измѣненія касаются лишь внѣшней техники раскладки и взиманія государственныхъ сборовъ. Въ общемъ это тѣ же прежніе вѣчно-обязанные тяглецы, пригвожденные закономъ—одинъ къ сохѣ, другой къ прилавку. Если ихъ положеніе и осложнилось сравнительно съ прежнимъ, то лишь въ сторону еще большаго напряженія наложенной на нихъ тяготы.

По-прежнему все общество оставалось закрѣпощеннымъ государству, по-прежнему на Руси *жить* значило *служить,* а не служить можно было, только незаконно укрываясь отъ зоркихъ глазъ бдительнаго царя.

За четыре года до смерти Петръ успѣлъ довести до конца осуществленіе своей завѣтной мечты: Россія отвоевала себѣ доступъ къ Балтійскому морю. То былъ, дѣйствительно, великій подвигъ. Съ этого времени для Россіи кончилась многовѣковая борьба за свою самостоятельность, Россія сама стала великой европейской державой. Русскій народъ могъ вздохнуть свободнѣе. Война стихла. Наступилъ миръ, соединенный съ безопасностью. Что же предстояло теперь? Покончивъ съ тяжелой задачей національной самообороны, Россія могла обратиться къ мирному развитію своихъ духовныхъ и матеріальныхъ силъ, такъ надолго придавленныхъ военными бурями. Для этого прежде всего предстояло освободить общественные классы отъ тягости тѣхъ обязательныхъ службъ, которая на нихъ лежала, сковывая естественные порывы общественной самодѣятельности. Надо было каждому открыть широкую свободу по собственному усмотрѣнію направлять свой трудъ, свои капиталы, свои знанія. Строгое принудительное прикрѣпленіе каждаго класса къ опредѣленному тяглу стало уже ненужнымъ. Грозныя тучи войнъ разсѣялись, и на горизонтѣ блеснуло солнце мирнаго, спо-

койнаго, производительнаго труда!

И, дѣйствительно, со второй четверти XVIII вѣка начинается въ нашей исторіи процессъ *раскрѣпощенія* общества, процессъ образованія подъ покровомъ обширнаго государственнаго союза — самодѣятельныхъ общественныхъ союзовъ, развивающихся по своимъ внутреннимъ мотивамъ, преслѣдующихъ самостоятельныя задачи. Въ какихъ формахъ выразился этотъ процессъ, какъ повліялъ онъ на положеніе различныхъ классовъ общества, въ какой мѣрѣ успѣлъ подвинуться впередъ къ концу XVIII-го и началу XIX-го вѣка,— эти вопросы и будутъ разсмотрѣны въ нашихъ очеркахъ.

II.

Раскрѣпощеніе дворянства въ XVIII столѣтіи *).

Уже со второй четверти XVIII столѣтія, тотчасъ по смерти Петра Великаго, начинаютъ обнаруживаться первые признаки приближающагося переворота въ общественныхъ отношеніяхъ.

Общественный порядокъ, созданный вѣковой исторіей, устоявшій въ своихъ основаніяхъ даже передъ напоромъ петровскихъ преобразованій, начинаетъ теперь трещать по всѣмъ швамъ. Что-то новое усиленно стучится въ двери русской жизни. Всюду чувствуется броженіе. Шумныя событія то и дѣло прерываютъ ровное теченіе обыденной дѣйствительности. Понимали-ли ясно и отчетливо смыслъ этихъ событій тѣ люди, которымъ пришлось пережить все это на собственныхъ нервахъ? Предугадывали ли они отдаленныя послѣдствія волновавшихъ ихъ явленій? Врядъ ли. Они волновались и боролись за свои ближайшіе интересы, не замѣчая, куда уноситъ ихъ въ

*) По исторіи дворянства въ XVIII в. въ Россіи, см. соч. проф. Романовича-Славатинскаго: „Дворянство въ Россіи отъ начала XVIII вѣка". СПБ. 1870 года.

этой борьбѣ неудержимый потокъ историческаго развитія. Вглядываясь теперь, заднимъ числомъ, въ эти отдаленныя отъ насъ событія, сопоставляя ихъ съ позднѣйшими итогами нашей исторіи, мы улавливаемъ ихъ истинное значеніе. Вопреки завѣреніямъ современниковъ, растерянныхъ наблюдателей кипучей общественной борьбы, мы можемъ теперь сказать увѣренно и опредѣленно: нѣтъ, не деспотизмъ Меньшикова, не коварство Остермана, не честолюбіе Дмитрія Голицына и т. д. всколыхнули общественную массу и наполнили такимъ драматическимъ движеніемъ нашу исторію во всю первую половину XVIII вѣка. Существовали болѣе глубокія и общія условія, благодаря которымъ и сами упомянутые только что дѣятели очутились на время на авансценѣ исторіи. Когда поверхность земли начинаетъ бороздиться хроническими землетрясеніями, это значитъ, что въ нѣдрахъ земной коры назрѣваютъ скрытые процессы, которые рано или поздно совершенно видоизмѣнятъ очертанія земного рельефа. То же наблюденіе примѣнимо и къ исторіи общества. Хроническая ожесточенная борьба общественныхъ партій всегда служитъ лишь внѣшнимъ проявленіемъ какого-нибудь глубокаго процесса, совершающагося въ нѣдрахъ общества, Какой процессъ зародился въ нѣдрахъ русскаго общества со второй четверти XVIII вѣка—мы уже знаемъ. Закрѣпощенная сверху до низу Россія отживала послѣдніе дни. Подготовлялось *раскрѣпощеніе* русскаго общества отъ многовѣковаго «государева тягла».

Подобные процессы не осуществляются однимъ почеркомъ пера. Они назрѣваютъ вѣками, и ихъ окончательное разрѣшеніе достигается тяжелой цѣной многоразличныхъ усилій, разочарованій и жертвъ. Раскрѣпощеніе русскаго общества началось *сверху* и къ концу XVIII вѣка охватило лишь верхній общественный классъ—*дворянство*. Медленно и туго просачивались затѣмъ раскрѣпостительныя начала въ низшіе общественные слои, и только преобразованія 60-хъ годовъ XIX-го столѣтія завершили

БИБЛИОТЕКА КОММУНИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ

этотъ освободительный процессъ отмѣной крестьянской крѣпостной неволи.

Итакъ, разсмотрѣть положеніе русскаго дворянства въ XVIII столѣтіи—значитъ разсказать исторію его раскрѣпощенія, исторію его превращенія изъ класса «служилыхъ государевыхъ холоповъ» въ классъ привилегированныхъ землевладѣльцевъ и душевладѣльцевъ, свободныхъ отъ обязательной государственной службы.

Въ предшествующей главѣ мы уже разсмотрѣли тѣ условія, въ силу которыхъ раскрѣпощеніе общественныхъ классовъ стало на очередь именно со второй половины XVIII вѣка, со времени окончанія Великой Сѣверной войны. Теперь позволительно спросить себя: почему же именно дворянство прежде всего ухватилось за эту очередную задачу и обратило ея разрѣшеніе въ пользу своего сословія? Отвѣтить на этотъ вопросъ нетрудно. Въ изучаемую эпоху дворянство было наиболѣе сильнымъ классомъ общества, почему оно и могло ранѣе всего сбросить съ себя ярмо закрѣпощенности. Въ рукахъ дворянства сосредоточивались тогда тѣ двѣ силы, которымъ принадлежитъ великая руководящая роль въ общественномъ строеніи: сила капитала и сила знанія. Еще со времени стараго московскаго царства классъ служилыхъ людей въ оплату лежавшей на немъ обязательной ратной службы получилъ исключительное право на землевладѣніе и, какъ историческій потомокъ служилаго класса московской эпохи, дворянство XVIII вѣка унаслѣдовало это право отъ своего предка. По условіямъ тогдашняго народнаго хозяйства Россіи, владѣніе землей стягивало въ рукахъ дворянства всѣ нити народнаго труда. Въ то время Россія еще только готовилась вступить на путь промышленнаго развитія; земледѣльческій трудъ составлялъ истинную основу всего народнаго хозяйства, а распоряженіе какъ землей, такъ и земледѣльцемъ принадлежало служащему дворянству. Вотъ почему этотъ классъ чувствовалъ себя господиномъ положенія и, опираясь на твердую почву экономическаго пре-

восходства, смѣло заявлялъ о своихъ притязаніяхъ, лишь только историческія условія сдѣлали эти притязанія осуществимыми. Къ чему же стремилось тогдашнее дворянство? Его программа была весьма опредѣленна: сохранить за собой прежнія права, избавившись отъ прежнихъ обязанностей. Благодаря обязательной службѣ, дворянство получило возможность сосредоточить въ своихъ рукахъ владѣніе землей. Теперь, опираясь на владѣніе землей и на связанныя съ этимъ экономическія преимущества, оно стало стремиться къ освобожденію отъ обязательной службы. Обязательная служба стѣсняла свободу дворянина, препятствовала ему всецѣло предаться своимъ хозяйственнымъ интересамъ, отрывала его отъ необходимаго для хозяйственной дѣятельности деревенскаго уединенія. Превращеніе изъ служилаго землевладѣльца въ землевладѣльца привилегированнаго—такова была цѣль, для которой готово было объединиться все россійское дворянство изучаемой эпохи. Это было общее стремленіе, смутно присущее всему сословію.

Но какъ добиться этой цѣли? Въ какія опредѣленныя ближайшія требованія облечь это стремленіе? Гдѣ найти исходную точку для открытія борьбы противъ существующихъ условій? Разрѣшеніе всѣхъ этихъ вопросовъ не могло быть подъ силу рядовой массѣ тогдашняго дворянства. Сознательно поставить эти вопросы и такъ или иначе отвѣтить на нихъ могли только люди, изощренные въ политическомъ мышленіи. Такіе люди нашлись въ средѣ тогдашняго дворянства, и они-то естественно и сдѣлались первыми вождями возникшихъ общественныхъ движеній. Если стремленіе къ раскрѣпощенію было подсказано дворянству условіями самой русской жизни, то умѣнье оформить это стремленіе въ опредѣленную политическую программу далось вождямъ тогдашняго дворянства лишь благодаря ихъ близкому знакомству съ западно-европейскимъ образованіемъ... Западно-европейская литература познакомила передовыхъ представителей дворянства съ цѣлымъ

новымъ міромъ политическихъ идей, подъ вліяніемъ которыхъ они начали критически всматриваться въ окружающую ихъ русскую жизнь и мечтать о ея коренномъ переустройствѣ согласно интересамъ своего сословія. Недаромъ такіе люди, какъ кн. Дм. Голицынъ или первый русскій историкъ Татищевъ собирали себѣ громадныя библіотеки изъ иностранныхъ книгъ философско-политическаго содержанія, просиживали ночи съ иностранцами, свѣдущими въ государственномъ устройствѣ различныхъ западно-европейскихъ странъ, и прилежно изучали основные государственные законы иноземныхъ державъ. Недаромъ при всѣхъ этихъ занятіяхъ они сосредоточивали свое пристальное вниманіе на политическомъ строѣ такихъ государствъ, какъ тогдашняя Польша или Швеція, гдѣ руководящее значеніе въ политической жизни принадлежало какъ разъ дворянскому сословію. Изъ этихъ-то занятій они старались извлечь поучительные уроки примѣнительно къ волновавшимъ ихъ домашнимъ вопросамъ. И вотъ, въ сознаніи передовыхъ представителей дворянства замелькала мысль о томъ, что раскрѣпощеніе дворянскаго класса, освобожденіе его отъ многовѣковаго тягла можетъ быть достигнуто посредствомъ преобразованія всего государственнаго строя Россіи. Надо доставить дворянскому сословію участіе въ обладаніи верховной государственной властью, и тогда-то будетъ расчищенъ путь къ освобожденію отъ тяжелаго наслѣдія старины.

Таковъ былъ планъ кн. Дм. Голицына, потомка старинной родовитой знати и одного изъ выдающихся государственныхъ дѣятелей новой послѣ-петровской Россіи. Кн. Голицынъ не ограничивался кабинетными мечтаніями. Онъ воспользовался первымъ представившимся случаемъ, чтобы перенести дѣло на практическую почву. Онъ попытался произвести государственный переворотъ въ духѣ своихъ воззрѣній при воцареніи императрицы Анны въ 1730 г. Я не буду разсказывать здѣсь обстоятельствъ этого историческаго эпизода, окончившагося, какъ извѣст-

но, полной неудачей голицынскаго замысла. Но для цѣли настоящаго очерка въ высшей степени важно отмѣтить связь этого эпизода, который я предполагаю извѣстнымъ читателю, съ послѣдовавшими затѣмъ перемѣнами въ положеніи дворянскаго класса. Далеко не всѣ слои дворянства отнеслись сочувственно къ идеямъ Голицына, далеко не всѣ они готовы были примкнуть къ тѣмъ средствамъ, которыми Голицынъ думалъ привести дворянство къ раскрѣпощенію. Не единодушный порывъ всего сословія, а междоусобица различныхъ группъ дворянства ярко вспыхнула въ отвѣтъ на предложенія Голицына. Но среди этой борьбы дворянскихъ партій тѣмъ рѣзче и отчетливѣе выяснились тѣ общія стремленія, въ которыхъ всѣ дворянскія партіи сходились, какъ одинъ человѣкъ, несмотря на всѣ прочія разногласія. Эти общія требованія касались слѣдующихъ пунктовъ: уничтоженіе обязательной службы дворянства, уничтоженіе указа 1714 г. о единонаслѣдіи дворянскихъ земель, стѣснившаго свободу дворянскаго землевладѣнія, учрежденіе сословныхъ учебныхъ заведеній для одного дворянства. Всѣ эти льготы испрашивались подъ условіемъ сохраненія прежнихъ правъ дворянства на владѣніе землей и крѣпостнымъ крестьянскимъ трудомъ и на свободу отъ податей. Это были уже не партійныя требованія отдѣльныхъ дворянскихъ группъ, а сословныя требованія всего дворянскаго класса. Попытка Голицына преобразовать государственный строй Россіи не удалась. Въ 1730 г. Анна Іоанновна приняла императорскую корону на прежнихъ основаніяхъ, сохранивъ въ своихъ рукахъ всю полноту верховной власти. Тѣмъ не менѣе, новое императорское правительство самымъ внимательнымъ образомъ отнеслось къ только что изложеннымъ притязаніямъ дворянства, заявленнымъ во время броженія дворянскихъ партій передъ воцареніемъ Анны. Шагъ за шагомъ всѣ эти притязанія и были удовлетворены въ теченіе XVIII столѣтія по почину самой верховной власти. Такъ началось раскрѣпощеніе дворянства.

Уже на второй годъ по воцареніи Анны учреждается комиссія подъ предсѣдательствомъ Миниха для обсужденія вопроса объ обязательной службѣ дворянъ. На первое время было рѣшено, не отмѣняя совершенно обязательной службы, ограничить ее для дворянъ опредѣленнымъ срокомъ: до тѣхъ поръ дворяне были обязаны службой на всю жизнь. Труды комиссіи увѣнчались изданіемъ важнаго указа 1736 г.: одинъ изъ сыновей въ каждой дворянской семьѣ получалъ право вовсе не являться на службу, другіе обязаны были служить не болѣе 25 лѣтъ и по минованіи этого срока могли по своему желанію проситься въ отставку. Эффектъ этой мѣры былъ поразителенъ. Лишь только вышелъ указъ, правительство было завалено дворянскими просьбами объ отставкѣ. Служилое дворянство забило отбой по всей линіи. Правительство поспѣшило, насколько возможно, сдержать этотъ порывъ. Было издано распоряженіе о томъ, чтобы отставки давались только при Сенатѣ, при чемъ генералъ-прокуроръ получилъ секретное предписаніе тщательно провѣрять дѣйствительное положеніе просителей.

Привѣтствуя указъ 1736 г., дворянство взглянуло на него, какъ на первый шагъ къ полной отмѣнѣ обязательной службы. То была самая популярная мысль среди представителей тогдашняго дворянства. Близкіе къ трону сановники настойчиво проводили эту мысль въ высшіе правительственные круги. Такъ, при императрицѣ Елизаветѣ около наслѣдника престола, будущаго императора Петра III, образовался кружокъ единомышленныхъ дѣятелей съ братьями Воронцовыми во главѣ, которые «неустанно вытверживали» наслѣднику о необходимости рѣшительнаго шага въ этомъ направленіи. Эти «вытверживанія» принесли свои плоды. Ровно за девяносто девять лѣтъ до отмѣны крестьянской неволи пробилъ послѣдній часъ дворянскаго закрѣпощенія: 18 февраля 1762 г. Петръ III подписалъ манифестъ «о дарованіи вольности и свободы всему россійскому дворянству». Съ этого момента вступленіе на службу было представлено свободному желанію дворянина, пере-

стало быть для него обязательнымъ. Бурное ликованіе дворянской массы привѣтствовало этотъ манифестъ. «Не могу изобразить,—пишетъ въ своихъ мемуарахъ современникъ Болотовъ,—какое неописанное удовольствіе произвела сія бумажка въ сердцахъ всѣхъ дворянъ нашего любезнаго отечества. Всѣ вспрыгались почти отъ радости и, благодаря государя, благословляли ту минуту, въ которую угодно было ему подписать указъ сей». Послѣдствія этого манифеста не ограничились, конечно, взрывомъ сословной радости въ сердцахъ дворянъ. Всѣ жизненные интересы дворянскаго сословія получали теперь новое направленіе. Обязательная служба привязывала дворянъ къ центру, вырывая ихъ изъ насиженныхъ усадебныхъ гнѣздъ. Теперь, сбросивъ съ себя ярмо служебной закрѣпощенности, дворянство массами хлынуло обратно въ провинціальную глушь. Тамъ передъ нимъ открывались заманчивыя перспективы: его манила къ себѣ деревня, безмятежная жизнь помѣщика на плечахъ у дарового крѣпостного труда, который былъ отданъ теперь въ полное распоряженіе землевладѣльческаго дворянства. Дворянское землевладѣніе такъ же, какъ и дворянская служба, лишилось теперь своего обязательнаго характера. Уже императрица Анна отмѣнила извѣстный намъ петровскій указъ 1714 г. о порядкѣ наслѣдованія дворянскихъ земель. Теперь дворянству было предоставлено право совершенно свободно, по произволу, отчуждать и дробить свои имѣнія.

Наконецъ, опять-таки уже въ царствованіе Анны, получили удовлетвореніе также и притязанія дворянства въ области образованія. Въ отвѣтъ на настойчивыя заявленія дворянства въ 1731 г. учреждается «Шляхетскій кадетскій корпусъ»—любимое дѣтище Миниха. Въ этотъ корпусъ могли быть принимаемы только дворянскія дѣти. Было бы ошибкой думать, что эти требованія были подсказаны дворянству того времени стремленіемъ къ распространенію просвѣщенія. Дѣло въ томъ, что обязательность обученія дворянскихъ дѣтей была установлена уже раньше починомъ

правительства. Сущность дворянскихъ притязаній сводилась къ тому, чтобы школѣ былъ приданъ рѣзко сословный характеръ съ предоставленіемъ дворянству и въ этой области привилегированнаго положенія, а затѣмъ—дворянство готово было довольствоваться весьма скромной дозой науки для духовнаго питанія своихъ дѣтей. Вотъ почему объемъ преподаванія въ шляхетскомъ корпусѣ не отличался широтою. Правда, согласно программѣ, въ корпусѣ, помимо «фортификаціи, артиллеріи, шпажнаго дѣйства и лошадиной ѣзды», долженъ былъ преподаваться еще рядъ общеобразовательныхъ предметовъ: «чужестранные языки, исторія, географія, грамматика, юриспруденція, обученіе правильному въ письмѣ стилю и складу, риторика, мораль, геральдика», а также танцы и музыка, «понеже,— говорилось въ программѣ,—не каждаго человѣка природа къ одному воинскому склонна, также въ государствѣ не меньше нужно политическое и гражданское обученіе». Однако, на практикѣ весь этотъ пышный списокъ наукъ, возвѣщенный въ программѣ, превращался въ разрозненные клочки.

Учили «чему-нибудь и какъ-нибудь». Кадетовъ не обременяли не только суровой, но и сколько-нибудь систематической выучкой. На практикѣ ни одинъ предметъ не былъ общеобязательнымъ. Въ 1733 г., напримѣръ, изъ 245 кадетъ геометріи обучалось только 36, географіи—17, исторіи—28, зато танцамъ обучалось 110 человѣкъ. Кончавшіе курсъ вовсе не обязаны были выполнить цѣликомъ начертанную программу. До насъ дошли выпускные аттестаты этого корпуса; изъ нихъ видно, что корпусъ выпускалъ спеціалистовъ даже не по какой-нибудь отдѣльной наукѣ, но по какому-нибудь одному параграфу учебника. Вотъ образчики. У одного въ свидѣтельствѣ стояло: «переводитъ съ нѣмецкаго на французскій экстемпоре исправно»; у другого: «знаетъ вокабулы и разговоръ»; у третьяго: «въ универсальной исторіи дошелъ до новой исторіи»; у четвертаго: «до короля Магнуса дошелъ»; у пятаго: «въ математической географіи начала добрыя имѣетъ»; у ше-

стого: «съ нѣмецкаго на латинскій компануетъ экстемпоре», и т. д.

Таковы были успѣхи, достигнутые дворянскимъ раскрѣпощеніемъ въ промежутокъ времени между смертью Петра I и воцареніемъ Екатерины II. Царствованіе Екатерины II должно быть признано эпохой окончательнаго завершенія этого процесса. Всѣмъ извѣстно, съ какими планами и мечтами всходила эта императрица на русскій тронъ. Она явилась въ Россію изъ своей далекой маленькой родины «принцессою кочующей и бѣдной», но ея смѣлому и острому уму казалось, что передъ ней открывается заманчивая возможность вдохнуть новую жизнь въ доставшееся ей волею судебъ громадное царство. Подъ этой новой жизнью она разумѣла то, о чемъ твердили ей ея любимыя книги. Ученица просвѣтительной философіи XVIII-го столѣтія, Екатерина мечтала перестроить всю русскую дѣйствительность на началахъ разума и свободы. Она начала съ того, что написала свою политическую исповѣдь, свой знаменитый «Наказъ». Затѣмъ въ Грановитую палату московскаго кремля были созваны изъ всѣхъ мѣстностей Россіи депутаты отъ всѣхъ общественныхъ состояній, кромѣ духовенства и крѣпостного крестьянства. Депутаты должны были выработать проектъ новаго государственнаго уложенія. Какъ извѣстно, эта комиссія не могла выполнить до конца возложенной на нее задачи; сама же Екатерина вмѣсто перестройки заново всего зданія русскаго государства, какъ она мечтала, читая французскихъ философовъ, въ концѣ концовъ лишь увѣнчала отстроенное еще до ея пріѣзда зданіе заключительнымъ куполомъ и стала настоящей «дворянской» царицей. Законодательство Екатерины окончательно освятило два основные факта тогдашней русской жизни: привилегированное положеніе дворянства и порабощеніе крестьянства. Изданная въ 1785 г. «Жалованная грамота» дворянству подвела итогъ процессу дворянскаго раскрѣпощенія. «Грамота» торжественно закрѣпляла за дворянствомъ цѣлый рядъ личныхъ и корпоративныхъ

правъ. Личныя права, провозглашенныя въ «Грамотѣ», могутъ быть раздѣлены на двѣ группы. Одни—закрѣпляли за дворянами ихъ новыя преимущества, явившіяся слѣдствіемъ недавняго раскрѣпощенія; сюда относятся подтвержденіе свободы отъ обязательной службы и право судебной защитой ограждать неприкосновенность своихъ привилегій: на основаніи «Грамоты» дворянинъ не могъ быть лишенъ иначе, какъ по суду себѣ равныхъ, ни чести, ни жизни, ни имѣнія. Другая группа постановленій «Грамоты» лишь освящала на будущее время такія преимущества, которыми дворянство пользовалось и раньше, еще въ эпоху обязательной службы. Таковы: исключительное право на владѣніе землей и свобода отъ податей. Но вотъ на что слѣдуетъ обратить вниманіе: и эти старыя преимущества получали теперь совершенно новый характеръ и значеніе. Раньше оба только что названныя преимущества являлись естественнымъ слѣдствіемъ обязательной дворянской службы. Дворяне одни владѣли землей, ибо земля служила спеціальнымъ обезпеченіемъ и матеріальнымъ подспорьемъ для ихъ службы. Дворяне одни не платили податей, ибо взамѣнъ того они несли свою служебную повинность. Теперь служба отпала, но отмѣченныя преимущества остались въ силѣ, превратившись, такимъ образомъ, въ настоящія сословныя привилегіи, основанныя единственно на достоинствѣ дворянскаго званія. Провозглашая эти личныя права дворянства, «Грамота» устанавливала и корпоративное устройство дворянскаго сословія: она вводила дворянскія общества, надѣленныя въ качествѣ юридическихъ лицъ опредѣленными правами. Какъ членъ такого общества, дворянинъ получалъ участіе въ сословномъ самоуправленіи. Но и этого мало. Другой законодательный актъ Екатерининскаго царствованія, «Учрежденіе о губерніяхъ» 1775 г., предоставлялъ дворянству командующую, первенствующую роль и въ области общегубернскаго управленія. Свободное отъ обязательной службы, надѣленное рядомъ важныхъ преимуществъ, поставленное въ первые ряды мѣстной адми-

нистраціи, сосредоточившее въ своихъ рукахъ всѣ нити народнаго хозяйства,—дворянство сдѣлалось въ полномъ смыслѣ слова первымъ сословіемъ въ государствѣ. Въ русской исторіи началась «дворянская эра».

Такъ глубоко измѣнилось устройство русскаго общества къ концу XVIII-го вѣка сравнительно съ его началомъ. *Раньше все общество дѣлилось на людей, служившихъ службы, и на людей, платившихъ подати, при чемъ и тѣ и другіе одинаково были закрѣпощены своимъ службамъ и повинностямъ. Къ концу XVIII в. общество стало дѣлиться на свободныхъ и крѣпостныхъ.* Въ XVIII ст. впервые началось раскрѣпощеніе сословій, но въ то время это новое вѣяніе подернуло лишь поверхность русской жизни, не успѣвъ еще просочиться до ея глубинъ. Тамъ, на днѣ народной жизни всецѣло продолжала царить нетронутая старина. Бокъ-о-бокъ съ усадьбой помѣщика, забывавшаго теперь на лонѣ сельской природы прежніе докучные смотры и экзамены, попрежнему стояла крѣпостная деревня. Намъ и предстоитъ теперь заглянуть въ этотъ укромный уголъ русской жизни того времени.

III.

Крѣпостные крестьяне въ XVIII ст. *).

Въ предшествующей главѣ былъ очерченъ тотъ крупный переломъ, который совершился въ XVIII столѣтіи въ положеніи русскаго дворянства. Дворянинъ конца этого вѣка, дворянинъ Екатерининской эпохи совсѣмъ не похожъ на своего историческаго предка, птенца Петровской Россіи. Изъ закрѣпощеннаго служилаго класса дворянство выросло мало-по малу въ привилегированный общественный слой, диктовавшій правительству содержаніе вну-

*) О крестьянахъ въ XVIII в.; см. монографію В. И. Семевскаго „Крестьяне въ царствованіе Екатерины II". СПБ. 1881 г. и второе изданіе, СПБ. 1903 г.

тренней политики, державшій въ своихъ рукахъ мѣстное управленіе, безконтрольно распоряжавшійся даровымъ крѣпостнымъ трудомъ крестьянина. Теперь изъ хоромъ петербургскаго вельможи и дворянской помѣщичьей усадьбы мы перейдемъ въ крѣпостную крестьянскую деревню. И тамъ совершались глубокія измѣненія, и тамъ жизнь дѣятельно лѣпила новыя формы. Но, приступая къ обозрѣнію жизненныхъ условій тогдашней деревни, мы должны приготовиться къ совершенно инымъ впечатлѣніямъ. По мѣрѣ того, какъ служилый помѣщикъ постепенно превращался въ свободнаго члена привилегированной дворянской корпораціи, крѣпостной крестьянинъ постепенно превращался въ раба.

Не сразу наложила исторія на русскаго крестьянина крѣпостныя цѣпи. Въ древнѣйшій періодъ, когда отдѣльныя княжества, на которыя дробилась Русь, не успѣли еще спаяться въ цѣльное Московское царство, мы застаемъ на Руси свободное крестьянство. Долго думали, что эта крестьянская свобода рухнула, затѣмъ внезапно была уничтожена однимъ почеркомъ пера, единовременнымъ распоряженіемъ правительственной власти, указомъ царя Ѳедора, сына Грознаго, изданнымъ по внушенію Бориса Годунова и прикрѣпившимъ крестьянъ къ землѣ. Въ настоящее время лишь очень немногіе ученые продолжаютъ держаться этого стараго объясненія. Указъ Ѳедора о закрѣпощеніи крестьянъ до сихъ поръ нигдѣ не отысканъ, и все заставляетъ думать, что такого указа никогда не существовало.

Закрѣпощеніе крестьянъ подготовлялось медленно и постепенно самою жизнью. Законъ только подвелъ итогъ этому процессу, когда онъ уже окончательно назрѣлъ.

Древнерусскій свободный крестьянинъ не имѣлъ собственной земли. Ему приходилось работать на чужихъ земляхъ—княжескихъ, боярскихъ или монастырскихъ, снимая земельные участки на правѣ аренды. Но, не имѣя собственной земли, крестьянинъ не имѣлъ и средствъ для то-

го, чтобы своими силами начать хозяйство на снятомъ участкѣ.

Онъ приходилъ на чужую землю съ пустыми руками, безъ инвентаря, безъ капитала. Съ чѣмъ было начинать хозяйство? И вотъ крестьянинъ-арендаторъ тотчасъ же попадалъ въ положеніе должника, кредитуясь у собственника снятой имъ земли, получая отъ землевладѣльца ссуду деньгами, сѣменами, хозяйственными орудіями, съ обязательствомъ погашать проценты по долгу личнымъ отработкомъ. Съ этого момента свободный юридически крестьянинъ попадаетъ въ экономическое рабство. Онъ никуда не можетъ двинуться, свободно распорядиться собой, перейти къ другому землевладѣльцу, пока не выплатитъ или не отработаетъ полученной ссуды. А долгъ все растетъ, и его уплата все отодвигается въ неопредѣленное будущее. Такъ, сама жизнь, роковое стеченіе естественныхъ экономическихъ условій подготовляло крестьянское прикрѣпленіе.

Впрочемъ, когда безвыходная задолженность, казалось, неразрывной мертвой петлей привязывала крестьянъ къ ихъ кредиторамъ-землевладѣльцамъ, стали открываться новые, такъ сказать, извращенные способы крестьянскаго передвиженія. Прежде всего крестьяне стали массами *убѣгать* отъ своихъ господъ. По всѣмъ направленіямъ носились тогда эти перелетныя птицы древнерусскаго общества. Являясь въ новыя, отдаленныя мѣста, бѣглый крестьянинъ вступалъ тамъ въ новыя обязательства, снимая до времени новые земельные участки, въ надеждѣ раздѣлаться потомъ и съ ними такъ же просто и рѣшительно. Это было прямое нарушеніе закона: и самъ бѣглый крестьянинъ, и завѣдомый укрыватель такого бѣглеца подлежали законной карѣ. Но жизнь выработала затѣмъ и другую форму крестьянскаго передвиженія. Крестьянъ начали *перевозить* другъ отъ друга сами помѣщики. Каждую весну начиналось по русской землѣ оживленное движеніе. Богатые, крупные землевладѣльцы, нуждавшіеся въ большемъ количествѣ рабочихъ рукъ, разсылали по окрестной

округѣ своихъ приказчиковъ, которые вступали въ особыя сдѣлки съ захудалыми землевладѣльцами уплачивали имъ числившіяся за ихъ крестьянами ссуды и перевозили ихъ крестьянъ на земли своего господина.

Въ такомъ неопредѣленномъ и двусмысленномъ положеніи, на распутьи между юридической свободой и экономическимъ рабствомъ, стояло русское крестьянство, когда отдѣльныя княжества стянулись въ цѣльное Московское царство, въ которомъ подъ давленіемъ безысходной военной грозы каждый общественный классъ былъ прикрѣпленъ къ опредѣленной государственной повинности. Тогда и крестьянство въ ряду другихъ общественныхъ классовъ получило свое спеціальное политическое назначеніе. Такъ народился второй фазисъ крестьянской неволи. Крестьянинъ, работавшій ранѣе на землевладѣльца въ качествѣ его неоплатнаго должника, долженъ былъ теперь работать на него въ качествѣ государственнаго тяглеца. Служилые помѣщики несли столь необходимую для государства ратную службу; крестьяне своимъ подневольнымъ трудомъ должны были обезпечивать помѣщику матеріальную возможность нести эту ратную службу. Въ этомъ и заключалось государственное назначеніе крестьянскаго закрѣпощенія. Московское правительство не создало крестьянскаго прикрѣпленія, но, найдя его уже готовымъ и сложившимся, придало ему своеобразный политическій характеръ. Служа на помѣщика, крестьянинъ въ сущности служилъ на государство, такъ какъ и самъ помѣщикъ владѣлъ крестьянами только потому, что онъ оплачивалъ это владѣніе государственной ратной службой. Изъ неоплатнаго должника крестьянинъ превратился теперь въ опорный столбъ всего государственнаго зданія. Вотъ почему крѣпостной крестьянинъ въ московской Руси далеко не отождествлялся съ рабомъ. Онъ являлся передъ лицомъ закона самостоятельнымъ членомъ общества, государевымъ подданнымъ, а не частной собственностью своего помѣщика. Правда, на практикѣ уже въ то время положеніе крѣпо-

стныхъ крестьянъ становится все болѣе тяжкимъ, уже въ то время документы вскрываютъ передъ нами ужасающую картину помѣщичьяго произвола. Тюрьма, кандалы и колодки, батоги и кнутъ властно царятъ уже въ до-петровской крѣпостной вотчинѣ. Но все же то были злоупотребленія, не признанныя закономъ. Законъ строго различалъ крѣпостного крестьянина отъ раба, запрещая превращать крестьянина въ холопа. Крѣпостной крестьянинъ имѣлъ свою *честь,* признаваемую закономъ: за безчестье крестьянина была установлена особая пеня.

Такъ было въ Московскомъ государствѣ. Переходимъ теперь въ XVIII ст., и картина юридическаго положенія крестьянъ существенно мѣняется. Въ теченіе XVIII ст. съ дворянъ-землевладѣльцевъ снимается обязательная служба. Отсюда вытекалъ, какъ мы уже знаемъ, тотъ логическій выводъ, что и съ крестьянъ долженствовало снять обязательный крѣпостной трудъ въ пользу помѣщиковъ. Но этого второго шага XVIII вѣкъ не дождался. Крѣпостное право на крестьянъ попрежнему осталось въ силѣ, хотя и измѣнило свой характеръ и свое значеніе. Крѣпостная вотчина превратилась мало-по-малу въ настоящую рабовладѣльческую плантацію. Достаточно хотя бы мелькомъ взглянуть на жизненныя условія крѣпостной деревни XVIII столѣтія, чтобы передъ нами встала яркая картина помѣщичьяго произвола. Законъ не ставилъ тому произволу почти никакихъ рамокъ. Взаимныя отношенія крѣпостныхъ крестьянъ и ихъ господъ совершенно не затрогивались законодательствомъ, а правительственные указы твердили по адресу крестьянъ лишь «о безпрекословномъ во всемъ помѣщикамъ послушаніи». Что же получалось на практикѣ? Посмотримъ прежде всего на экономическія условія крестьянской жизни. Отъ усмотрѣнія помѣщика зависѣло посадить крестьянина на оброкъ или на барщину. Малоземельные помѣщики черноземной полосы рѣшительно предпочитали барщину; напротивъ того, въ средней полосѣ Россіи, гдѣ на менѣе плодородной почвѣ сосредоточилось

болѣе крупное землевладѣніе, почти всѣ крестьяне сидѣли на оброкѣ. Но въ томъ и другомъ случаѣ крестьяне находились въ полной власти помѣщичьяго усмотрѣнія. Ни размѣры барщинныхъ работъ, ни размѣры оброчныхъ платежей не были ограничены закономъ. Бывали случаи, когда опредѣленный помѣщикомъ оброкъ достигалъ внушительныхъ размѣровъ 10—20 р. съ крестьянской души. Правда, то были исключительные случаи. Но и обычныя среднія цифры рисуютъ намъ послѣдовательный и безостановочный ростъ крестьянскаго оброка. Взимая оброкъ, помѣщики рѣдко справлялись съ состояніемъ крестьянскаго урожая. Крестьянинъ во что бы то ни стало долженъ былъ удовлетворить требованія господина, хотя бы цѣною разгрома своего хозяйства. Челобитья, которыя крестьяне осмѣливались иногда подавать на Высочайшее имя, потерявъ мѣру безысходнаго терпѣнія, рисуютъ намъ полный экономическій кризисъ крѣпостной деревни. Помѣщичьи поборы производили порою дѣйствіе, равное непріятельскому нашествію. «Продавъ послѣдніе изъ пожитковъ своихъ, экипажишко и скотъ, внесли мы,—пишутъ, напр., въ своей челобитной крестяне генералъ-аншефа Леонтьева въ 1767 г., —только часть господскаго оброка». Но Леонтьевъ принялся выколачивать и остальную часть «боемъ и мукою смертельной». Можетъ показаться страннымъ такое усиленное расхищеніе средствъ своего же крестьянина. Не значило ли это со стороны помѣщиковъ рубить тотъ самый сукъ, на которомъ сидишь? Несомнѣнно, разореніе собственныхъ деревень непосильными поборами являлось не только жестокимъ, но и прямо нерасчетливымъ дѣйствіемъ со стороны помѣщиковъ. И тѣмъ не менѣе, такія дѣйствія практиковались нерѣдко. Сознаніе неограниченнаго права на подневольный трудъ крестьянина настолько ослѣпляло иныхъ рабовладѣльцевъ XVIII вѣка, что они утрачивали въ концѣ концовъ здравое чутье своихъ собственныхъ хозяйственныхъ интересовъ.

Если оброчная система поглощала большую часть

продуктовъ крестьянскаго труда, то система барщинная прямо отрывала крестьянина отъ собственнаго поля. Обыкновенно барщина занимала *половину* всего крестьянскаго рабочаго времени. Это была, по выраженію современниковъ, «издревле положенная половинная работа». Но въ XVIII в. помѣщики сплошь и рядомъ далеко переступали за эту обычную границу. Четырехъ, пяти-дневная барщина была обычнымъ явленіемъ. Во многихъ вотчинахъ крестьяне *ежедневно* работали на помѣщика, даже по воскресеньямъ и большимъ праздникамъ. А вотъ что значилъ тогда рабочій день. Въ 1780 г. помѣщики нѣкоторыхъ мѣстностей вошли въ частное соглашеніе объ установленіи на своихъ земляхъ нормальнаго рабочаго дня. Они опредѣлили: въ апрѣлѣ и сентябрѣ—рабочій день 11-13 часовъ, въ лѣтніе дни—14-16 часовъ. Недаромъ современникъ Екатерины II, графъ Панинъ, утверждалъ, что барщинныя работы крестьянъ «не только превосходятъ примѣры ближнихъ заграничныхъ жителей, но частенько выходятъ и изъ сносности человѣческой». Вдумчивые наблюдатели русской жизни тогда же отмѣчали страшный упадокъ многихъ хозяйствъ «по причинѣ непрестанныхъ работъ и большихъ поборовъ господскихъ».

Опредѣляя по своему произволу количество обязательнаго крестьянскаго труда, помѣщичья власть вторгалась затѣмъ въ самые сокровенные уголки крестьянской жизни. Прежде всего помѣщикъ старался обезпечить наиболѣе выгоднымъ для хозяйства способомъ дальнѣйшее размноженіе крѣпостной массы. Для этой цѣли пускалась въ ходъ самая грубая регламентація крестьянскихъ браковъ. Крестьянъ спаривали въ брачные союзы, имѣя въ виду только полученіе работоспособнаго потомства. Сознаніе циничности этого взгляда было недоступно міровоззрѣнію рабовладѣльческой эпохи. Вотъ какіе указы посылалъ, напримѣръ, фельдмаршалъ Суворовъ приказчику своихъ дальнихъ вотчинъ: «Многіе дворовые ребята у меня такъ подросли, что ихъ женить пора. Дѣвокъ здѣсь нѣтъ, и купить ихъ го-

раздо дороже, нежели въ вашей сторонѣ; купи для нихъ четыре дѣвки отъ 14—18 лѣтъ, лица не очень разбирай, лишь бы были здоровы». Семья крѣпостного крестьянина могла распасться столь же неожиданно и быстро, какъ и возникала. Помѣщикъ могъ продать крестьянина на сторону, вырвавъ его изъ родной семьи. Торговля крестьянами и оптомъ и въ розницу принимала въ теченіе вѣка все большіе размѣры. Живой товаръ гуртомъ выводился на рынки. Одинъ иностранецъ, путешествовавшій по Россіи въ 80-хъ годахъ XVIII вѣка, рисуетъ намъ живую картину невольничьяго рынка въ Тулѣ. На городской площади его вниманіе остановилось на толпѣ дѣвушекъ человѣкъ въ 40. Онѣ стояли, согнанныя въ кучу. «Купи насъ, господинъ, купи!» закричали онѣ подходившему къ нимъ туристу.—«А пошли бы вы за мной, куда бы я васъ ни повелъ?».—«Намъ все равно, вамъ или другому служить», отвѣтили дѣвушки.

Крестьяне продавались нерѣдко въ перемежку съ прочими предметами домашняго обихода. Перелистывая «С.-Петербурскія Вѣдомости» XVIII-го столѣтія, постоянно встрѣчаемъ въ отдѣлѣ объявленій характерныя строки въ родѣ слѣдующихъ: «Продается дѣвка и поѣзженная карета». «Въ приходѣ церкви св. Николая Чудотворца, въ школѣ, продается 20 лѣтъ, собою видная и къ исправленію горничной работы способная дѣвка и хорошо выѣзженная верховая кобыла». Характерны и цѣны, выставленныя въ объявленіяхъ. По одному объявленію дѣвушка-невѣста продается за 25 рублей, по другому—борзой щенокъ продается за 3.000 рублей. Такъ, 120 дѣвушекъ равнялись по цѣнѣ одной собакѣ. Конечно, цѣны измѣнялись по степени рабочей силы и знаній и по возрасту продаваемыхъ крестьянъ. По одному дѣлу въ концѣ столѣтія потребовалась расцѣнка нѣсколькихъ крѣпостныхъ деревень Вологодской губерніи. Вотъ какъ оцѣнили себя сами крестьяне: за взрослаго работника они назначили по 40 руб., за старика и старуху—отъ 30 до 50 коп., ребятъ—по гривеннику.

Во всѣхъ приведенныхъ до сихъ поръ фактахъ ясны, по крайней мѣрѣ, тѣ хозяйственныя побужденія, которыми руководились рабовладѣльцы. Еще болѣе ужасающіе факты встрѣчамъ мы тамъ, гдѣ нельзя уловить никакихъ другихъ побужденій, кромѣ порывовъ ничѣмъ не взнузданнаго произвола. Сюда относятся тѣ наказанія, которымъ помѣщики подвергали своихъ крестьянъ за различныя провинности. До насъ дошли отъ XVIII ст. обширныя инструкціи нѣкоторыхъ помѣщиковъ ихъ управителямъ, имѣвшія цѣлью упорядочить дѣло крестьянскихъ наказаній. Чего-чего тутъ нѣтъ! Арестъ и цѣпи, батоги и плети, рогатки и «ѣзжалые кнутья». Наказанія неуловимо переходили въ истязанія. Удары плетей и розогъ сыпались тысячами, попадая на тѣхъ, кто подвертывался,—и на тяжко виновныхъ, и на согрѣшившихъ ничтожнымъ проступкомъ. Въ одномъ «журналѣ домоваго управленія» 60-хъ годовъ XVIII в. читаемъ, между прочимъ, слѣдующее. Дворовая женщина Ѳекла Яковлева ушла изъ кабинета во время опочиванія господина, и вотъ въ журналѣ появляется резолюція: «Запретить всѣмъ звать Ѳеклу по отчеству, а кто ослушается, тому 5.000 розогъ». Пять тысячъ розогъ! Это еще не высшій предѣлъ тѣлеснаго наказанія. Щедро разсыпая удары, помѣщики XVIII в. слѣдили за тѣмъ, чтобы наказанные не отбывали подолгу отъ работы, ссылаясь на послѣдствія перенесенныхъ наказаній. Въ томъ же журналѣ читаемъ слѣдующія строки: «Впредь, если кому изъ людей нашихъ будетъ дано розогъ 17.000, таковымъ болѣе одной недѣли лежать не давать, а кто сверхъ того полежитъ болѣе, за тѣ дни не давать имъ всего хлѣба, столоваго запаса и указнаго всего же».

Такова была общая бытовая канва крѣпостной деревни XVIII вѣка. Можно представить себѣ, какъ ужасающи были тѣ отдѣльные, исключительные узоры, которые временами на этой канвѣ попадались. Я избавлю читателей отъ изображенія этихъ ужасовъ. Мнѣ достаточно назвать только одно всѣмъ извѣстное имя, чтобы напомнить ихъ

общій характеръ. Это—имя «Салтычихи».

Впрочемъ, будемъ справедливы къ людямъ изучаемой эпохи. Въ виду удручающихъ картинъ помѣщичьяго произвола, а также въ виду разрушительнаго вліянія крѣпостного права на благосостояніе народа и государства, уже со второй половины XVIII ст. и въ обществѣ и въ литературѣ, сначала робко, потомъ все настойчивѣе и настойчивѣе, начинаютъ раздаваться голоса въ защиту порабощеннаго народа, требованія улучшенія крестьянскаго быта, ограниченія помѣщичьей власти. Два раза въ царствованіе Екатерины II крестьянскій вопросъ дѣлался предметомъ особенно жгучихъ споровъ и обсужденій. Въ началѣ этого царствованія было учреждено существующее и теперь въ Петербургѣ Вольное Экономическое Общество, посвященное разработкѣ хозяйственныхъ и экономическихъ вопросовъ. Въ 1766 году, по мысли самой императрицы, названное общество предложило на премію слѣдующую тему для сочиненія: «Что полезнѣе для общества: чтобъ крестьянинъ имѣлъ въ собственности землю или токмо движимое имѣніе?» Въ отвѣтъ на этотъ вызовъ въ общество поступило нѣсколько сочиненій. Только въ одномъ изъ нихъ предложенный обществомъ частный вопросъ былъ переведенъ на болѣе общій: быть или не быть крѣпостному праву? Авторъ обстоятельно доказываетъ, что господство крѣпостного труда приведетъ страну къ матеріальному и моральному упадку и заключаетъ отсюда: «Надо дать свободу невольникамъ». Названный публицистъ былъ иностранецъ, ахенскій докторъ правъ Беарде-Делябей. Русскіе писатели того времени не доходили еще до такихъ рѣшительныхъ выводовъ. Одновременно съ Беарде-Делябеемъ на вызовъ общества откликнулся русскій юристъ Полѣновъ. Его сочиненіе написано страстнымъ, негодующимъ тономъ. Делябей разбиралъ вопросъ съ экономической точки зрѣнія, Полѣновъ взываетъ къ требованіямъ гуманности. Въ его изложеніи слышится голосъ человѣка, знакомаго съ ужасами крѣпостного права и опе-

редившаго многихъ изъ своихъ современниковъ въ способности возмущаться ими. Но, сильный въ своихъ обличеніяхъ, Полѣновъ весьма умѣренъ въ своихъ положительныхъ требованіяхъ. Все, чего онъ добивается, это—нѣкоторое упорядоченіе взаимныхъ отношеній помѣщиковъ и ихъ крестьянъ законодательнымъ порядкомъ.

Вторично вспыхиваетъ крестьянскій вопросъ въ знаменитой комиссіи, созванной Екатериной II въ 1767 г. для выработки проекта новаго государственнаго уложенія. Громадное большинство членовъ этой комиссіи грудью стояло за неприкосновенное сохраненіе существующаго крѣпостного порядка: сами крѣпостные крестьяне не имѣли въ комиссіи своихъ представителей. Но и среди дворянскихъ депутатовъ нашлись отдѣльныя лица, поднявшія голосъ въ защиту порабощеннаго крестьянства.

Въ одномъ изъ засѣданій шелъ вопросъ о побѣгахъ крѣпостныхъ крестьянъ отъ своихъ господъ и о мѣрахъ борьбы съ этимъ зломъ. Со всѣхъ сторонъ сыпались предложенія объ усиленіи и умноженіи каръ за побѣги и за пріимку бѣглыхъ. Вдругъ всталъ депутатъ отъ дворянства Козловскаго уѣзда Коробьинъ и круто повернулъ ходъ преній въ другую сторону. Истинный источникъ крестьянскихъ побѣговъ, говорилъ Коробьинъ,—злоупотребленія помѣщичьей властью, не обузданной закономъ. Для предотвращенія побѣговъ необходимо точно опредѣлить въ законѣ размѣры крестьянскихъ повинностей и платежей въ пользу помѣщиковъ. Предложеніе Коробьина вызвало цѣлую бурю. Одинъ за другимъ ораторы крѣпостнической партіи гнѣвно «отчитывали» бѣднаго Коробьина. Пренія затянулись на нѣсколько дней и завершились громоносной рѣчью князя Щербатова, одного изъ самыхъ энергичныхъ дѣятелей комиссіи, который пустилъ въ ходъ всѣ перуны своего краснорѣчія для того, чтобы отбить «опасную», по его мнѣнію, вылазку козловскаго депутата противъ незыблемости крѣпостного строя. А между тѣмъ предложеніе, произведшее такой переполохъ, отличалось, какъ мы толь-

ко что видѣли, большой умѣренностью. Объ уничтоженіи крѣпостного права въ немъ не было даже намека; все дѣло сводилось къ тому, чтобы какъ-нибудь предотвратить злоупотребленія помѣщичьей властью. Но уже и такія скромныя требованія заставляли тогдашнихъ крѣпостниковъ бить въ набатъ и кричать о томъ, что государству угрожаетъ внутренній переворотъ и гибель отъ распространенія возмутительныхъ ученій.

Впрочемъ, къ концу вѣка стремленія друзей крестьянскихъ интересовъ становятся опредѣленнѣе и рѣшительнѣе. Въ 1790 г. появляется знаменитая книга Радищева «Путешествіе изъ Петербурга въ Москву», гдѣ на ряду съ яркимъ изображеніемъ помѣщичьяго произвола встрѣчается уже и требованіе отмѣны крѣпостного права, при чемъ авторъ набрасываетъ даже довольно отчетливо развитой планъ крестьянской реформы. Посмотримъ теперь, какими доводами отстаивали крѣпостное право его тогдашніе защитники. Они раздѣлялись на двѣ группы. Лучшіе изъ нихъ считали крѣпостное право зломъ, но находили, что отмѣна его преждевременна, что крѣпостные крестьяне ихъ времени еще не подготовлены къ пользованію благами свободы. Только просвѣщенный и образованный человѣкъ, говорили они, можетъ оцѣнить и усвоить истинное понятіе свободы. Такого мнѣнія держался, напримѣръ, извѣстный тогдашній историкъ Болтинъ. Въ основѣ подобныхъ взглядовъ лежало глубокое недоразумѣніе. Указывали на необходимость сначала *просвѣтить* крестьянъ, а потомъ уже дать имъ свободу, но при этомъ забывали, что крѣпостное право само по себѣ было главнымъ препятствіемъ къ просвѣщенію народа. Помѣщики того времени весьма мало соблазнялись ролью миссіонеровъ просвѣщенія среди своихъ крестьянъ. Во многихъ помѣщичьихъ усадьбахъ встрѣчались крѣпостные гаремы, но *школа* въ крѣпостной деревнѣ была рѣдкимъ исключеніемъ. И спрашивается, какъ могъ крѣпостной крестьянинъ *пріучиться* къ свободѣ, не пользуясь ею и оставаясь крѣпостнымъ?

Ясно, что просвѣщеніе народа должно было начаться съ его освобожденія.

Сторонники изложенныхъ выше взглядовъ все же не считали крѣпостное право желательнымъ и нормальнымъ порядкомъ и лишь мирились съ его существованіемъ, какъ съ неизбѣжнымъ, по ихъ мнѣнію, зломъ. Но были и другіе противники освобожденія, провозглашавшіе крѣпостное право вѣковѣчнымъ кореннымъ устоемъ всего русскаго государственнаго порядка. Уничтожьте крѣпостное право, говорили они, и погибнетъ Россія! Любимымъ доводомъ людей этой группы было указаніе на то, что лишь закрѣпощеніе крестьянъ обезпечиваетъ внутреннюю безопасность и порядокъ. Опровергнуть этотъ доводъ было нетрудно, стоило только справиться съ фактами: крѣпостное право подарило Россію «пугачевщиной» и безпрерывной вереницей мѣстныхъ крестьянскихъ волненій. При свѣтѣ этихъ фактовъ не можетъ быть и вопроса о томъ, что является лучшимъ залогомъ устойчивости государственнаго порядка—народное порабощеніе или народная свобода. Впрочемъ, приведенный доводъ нерѣдко служилъ лишь благовидной маской для истинныхъ мотивовъ, руководившихъ крѣпостниками въ ихъ защитѣ существующаго строя. Эти мотивы, бывшіе у всѣхъ на умѣ, если не на языкѣ, съ наивной храбростью были высказаны въ одномъ памфлетѣ XVIII столѣтія: «Если бы поселяне по заморскому отъ господъ не зависѣли, такъ бы у иного помѣщика некому было и студено искрошить, а не только сдѣлать какой фракасей, т. е. поливай, или супа, т. е. похлебки, или пачтета, т. е. пирога. А за моремъ фракасейскихъ мастеровъ имѣется довольное число, и не надобно тамъ ни ложки, ни плошки, понеже, какъ слышно, тамъ въ трактирахъ все сыщешь...»

На этой точкѣ и остановилось развитіе крестьянскаго вопроса въ XVIII вѣкѣ. Но сѣмя было брошено, и голоса первыхъ поборниковъ крестьянской реформы прозвучали недаромъ.

IV.

Городъ *).

Намъ остается бросить взглядъ на условія *городской* жизни въ изучаемую эпоху. Въ то время какъ въ положеніи дворянства и крестьянства въ теченіе XVIII ст. успѣли назрѣть глубокія перемѣны и перевороты, русскій городъ упорно хранилъ на себѣ на протяженіи всего этого столѣтія ту рѣзкую печать, которая была на него наложена предшествующей исторіей. Вотъ почему мы позволимъ себѣ предварительно оглянуться нѣсколько назадъ, въ тотъ періодъ нашей исторіи, когда сложились основныя особенности нашего дореформеннаго городского быта.

Уже на зарѣ русской исторіи на берегахъ большихъ рѣкъ нашей равнины вырастаютъ замѣтные городскіе центры. X, XI и XII-й вѣка являются лучшей порой въ исторіи стариннаго города. Городскія вѣча—собранія всѣхъ свободныхъ гражданъ—сосредоточиваютъ въ своихъ рукахъ крупную политическую силу, призываютъ и изгоняютъ князей, вмѣшиваются въ княжескую дѣятельность, громко заявляя о желаніяхъ и стремленіяхъ населенія. Къ нимъ, къ этимъ городамъ, какъ къ средоточію окрестныхъ земель, стягиваются нити народнаго труда и благосостоянія.

Затѣмъ наступаетъ переломъ. Съ XIII-го вѣка городская жизнь на Руси быстро гаснетъ. Читайте лѣтописи и другіе историческіе памятники съ XIII вѣка,—передъ вами встанетъ *деревенская* Россія. Разгромленный татарами приднѣпровскій югъ погрузился въ долгій историческій сонъ. Населеніе отхлынуло въ лѣса приволжскаго сѣверовостока. Пробираясь по этимъ глухимъ дебрямъ, населеніе осѣдаетъ далеко другъ отъ друга разбросанными и прижавшимися къ лѣснымъ рѣчкамъ деревушками. Крупные городскіе центры исчезаютъ вмѣстѣ съ исчезновеніемъ оживленной торговой дѣятельности. Отброшенный на даль-

*) Исторіи русск. города XVIII ст. посвящена книга Дитятина: „Устройство и управленіе городовъ въ Россіи“, т. I.

ній сѣверо-востокъ отъ старыхъ, привычныхъ рынковъ своего торговаго сбыта, русскій человѣкъ обратился къ земледѣльческому труду, упорными усиліями отвоевывая себѣ кусокъ за кускомъ пахатной земли отъ сплошного окрестнаго лѣса. То, что теперь называлось городомъ, это то же село, только *огороженное* земляным валомъ и снабженное ратнымъ гарнизономъ изъ княжеской дружины. Изъ торгово-промышленнаго центра городъ превратился на долгое время въ наблюдательный военный постъ. Медленнымъ и сложнымъ путемъ пошло затѣмъ возрожденіе торгово-промышленнаго значенія русскаго города. Это возрожденіе относится уже къ эпохѣ *Московскаго государства* (XV—XVII вв.).

Взглянемъ на внѣшній видъ русскаго города, какимъ онъ сталъ въ московскомъ государствѣ. На внѣшности того времени какъ нельзя лучше отразилась вся его прошлая судьба. Городъ московской эпохи располагался всегда тремя включенными другъ въ друга кругами. Въ срединѣ помѣщался *кремль,* или *дѣтинецъ,* или собственно *городъ.* То была военная крѣпость, центральное ядро городского поселенія. Онъ отдѣлялся отъ прочихъ частей города рвомъ, валомъ и деревянной, рѣдко каменной, стѣной, увѣнчанной сторожевыми башнями. Здѣсь были скучены казенныя зданія и учрежденія: воеводская изба, казенный пороховой погребъ, соборъ и такъ называемые *осадные дворы,* т. е. дворы, приготовленные для уѣздныхъ помѣщиковъ на случай военной осады, «сполошнаго» времени. Жилыхъ дворовъ частныхъ обывателей не было въ кремлѣ. Кругомъ городской стѣны располагались группами *дворы посадскихъ людей.* Среди нихъ была раскинута городская площадь съ привознымъ рынкомъ, тутъ же помѣщался гостиный дворъ и земская изба. Этотъ второй кругъ городской осѣдлости назывался *посадомъ.* И онъ былъ обнесенъ деревянной стѣной, или тыномъ. Эта вторая стѣна называлась «острогомъ». Въ Кремлѣ были сосредоточены правительственныя учрежденія, на посадѣ нахо-

дился центръ торгово-промышленной дѣятельности посадскаго населенія, которое жило въ своихъ посадскихъ дворахъ подъ сѣнью и охраной укрѣпленнаго города. Наконецъ, за чертой «острога» раскидывался третій кругъ, въ видѣ посадскаго предмѣстья. То были *слободы* мелкихъ промышленниковъ и хлѣбопашцевъ.

Такова была физіономія города въ эпоху московскаго государства. Она не случайна. Недаромъ ея основныя черты съ замѣчательнымъ постоянствомъ повторяются на всемъ пространствѣ московскаго государства. По отмѣченнымъ тремъ кругамъ городской осѣдлости мы можемъ возстановить послѣдовательные моменты въ исторіи города съ такою же отчетливостью, съ какой геологъ по отдѣльнымъ почвеннымъ пластамъ возстановляетъ исторію земной коры.

Центральный кругъ—Кремль, т. е. военная крѣпость, былъ первоначальнымъ зерномъ московскаго города. Послѣ долгаго упадка городской жизни на Руси, во вновь возникавшемъ Московскомъ государствѣ началось усиленное строеніе городовъ. Города вытягиваются цѣлыми линіями по опаснымъ окраинамъ. Нужно было прежде всего оградить цѣлость государственной территоріи отъ литвы и татаръ. Но не однимъ окраинамъ грозила опасность. Нерѣдко внезапные татарскіе набѣги врѣзывались въ самую сердцевину русской земли. Сама Москва не разъ попадала въ осадное положеніе, окруженная татарскими полчищами. Вотъ почему и во внутреннихъ частяхъ московскаго государства вырастаютъ новыя городовыя укрѣпленія по почину правительственной власти.

Что же это были за города? Самая цѣль ихъ устроенія опредѣляла и общій характеръ ихъ устройства. Это были крѣпости съ постоянными военными гарнизонами. Въ городахъ сидѣли тѣ же служилые люди, какими были разсыпанные по уѣзду помѣщики и вотчинники.

Скоро наступалъ второй моментъ въ развитіи города. Воздвигнутые правительствомъ города-крѣпости не долго оставались одинокими военными постами среди чис-

таго поля. Та же военная опасность, которая вызвала построеніе городовыхъ крѣпостей, стала сбивать затѣмъ подъ охрану ихъ стѣнъ мирное осѣдлое населеніе. Безоружной малолюдной деревнѣ становилось жутко среди открытаго поля. Но внутрь крѣпостной стѣны неслужилымъ людямъ не было доступа. И вотъ, эта масса начинаетъ располагаться своими дворами *вокругъ* крѣпостной стѣны. Такъ постепенно бокъ-о-бокъ съ городомъ растетъ *посадъ*. Пока этотъ посадъ—та же деревня, лишь пріютившаяся подъ охрану военнаго укрѣпленія. Между посадскимъ человѣкомъ и уѣзднымъ крестьяниномъ еще незамѣтно никакихъ различій ни въ образѣ жизни, ни во внѣшнемъ обликѣ.

Но эта однородность не могла сохраниться на долгое время. Крѣпко прильнувъ къ городской стѣнѣ, посадъ начинаетъ мало-по-малу сростаться съ городомъ, раздѣляя съ послѣднимъ измѣненія его государственной роли. Какъ самый важный и укрѣпленный пунктъ всей округи, городъ становится помимо военнаго укрѣпленія и центромъ управленія всѣмъ окрестнымъ округомъ. Въ городѣ живетъ воевода, находятся правительственныя учрежденія. Это новое административное значеніе города отражается и на прильнувшемъ къ нему посадѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ мѣняется постепенно и обликъ посадскаго жителя. Большая сравнительно скученность населенія, большее значеніе посада, какъ главнаго уѣзднаго центра, начинаетъ усиленнѣе притягивать къ посаду торгово-промышленныя предпріятія. Такъ посадъ постепенно отдѣляется отъ села и по господствующимъ чертамъ развивающейся въ немъ дѣятельности. На посадѣ намѣчаются своеобразныя черты городского быта въ современномъ смыслѣ этого слова.

Трудно сказать, съ какой быстротой пошло бы далѣе это обособленіе города отъ деревни, будучи предоставлено своему естественному теченію. Можно думать, что оно пошло бы крайне медленно. Экономическія условія тогдашней Россіи не обѣщали быстраго роста торгово-

промышленной дѣятельности. При всѣхъ отличіяхъ посада отъ деревни, которыя я только что отмѣтилъ, между ними продолжало существовать самое тѣсное взаимодѣйствіе. Сплошь и рядомъ крестьяне переходятъ на посадъ, селятся тамъ на оброчныхъ мѣстахъ и кормятся работой и, наоборотъ, посадскіе люди переходятъ въ уѣздъ. Случалось, что одно и то же лицо совмѣщало въ себѣ оба состоянія: владѣло лавкой на посадѣ и пахало недальній участокъ уѣздной земли. Такъ еще къ концу XVII вѣка жизнь не успѣла выработать рѣзкой разграничительной черты между городомъ и уѣздомъ. Но съ этого времени и на посадское населеніе окончательно распространяется дѣйствіе уже знакомой намъ московской политической системы: на ряду съ прочими классами общества и посадское населеніе принудительно стягивается въ наглухо замкнутую группу. Посады воздвигли нѣкогда свои стѣны и рвы противъ внѣшнихъ враговъ. Теперь они сами попали въ плѣнъ своихъ собственныхъ укрѣпленій: тѣ же стѣны и рвы должны были отрѣзать населеніе посада отъ окрестнаго уѣзда. Каждый посадъ былъ превращенъ въ такую же замкнутую корпорацію, какими были и уѣздныя общества служилыхъ помѣщиковъ. На посады было возложено спеціальное тягло, для уплаты котораго посадскіе люди обязаны были заниматься веденіемъ торгово-промышленныхъ предпріятій.

Въ связи съ только что описанной перемѣной въ положеніи посадскаго населенія, вокругъ посадовъ появляется и *третій* видъ городской осѣдлости—*слободы*. Эти слободы тоже имѣютъ свою исторію. Когда московское правительство разложило на всѣ классы общества опредѣленныя службы и тягла, въ различныхъ слояхъ общества начинаютъ развиваться стремленія какимъ-нибудь обходомъ закона утаиться отъ государевой тяготы. Но ускользнуть отъ зоркихъ глазъ московскаго правительства было нелегко. Требовались тонкія и сложныя уловки, которыя все-таки не всегда увѣнчивались успѣхомъ. Къ числу такихъ

уловокъ принадлежала первоначально и селитьба слободами у *самыхъ стѣнъ посада, но не въ чертѣ его.*

Водвореніе на посадѣ тотчасъ влекло за собою подчиненіе посадскому тяглу, несеніе посадскихъ службъ и повинностей. Слобода, пріютившаяся у посадской стѣны, совмѣщала выгоды отъ близости городского поселенія съ свободой отъ посадскаго тягла, такъ какъ она все же стояла за чертой посадской земли.

Какъ и естественно, между посадами и слободами скоро завязалась глухая борьба. Посадъ встрѣтилъ недружелюбно своихъ непрошенныхъ гостей. Они безпокоили его, какъ изнурительные ненормальные наросты; пользуясь благами сосѣдней посадской жизни, они не дѣлили съ посадомъ его обязательныхъ тягостей. И вотъ, изъ всѣхъ посадовъ въ Москву летятъ челобитья: или свести слободы съ ихъ мѣстъ вглубь уѣзда, или приписать слободы къ посадамъ, разложивъ и на слобожанъ посадское тягло. Правительство вняло посадскимъ челобитьямъ; понятно, почему: приписка слободъ къ посадамъ должна была повести къ увеличенію посадскихъ плательщиковъ, а слѣдовательно, и посадскихъ платежей. Это было прямо въ интересахъ казны.

И вотъ, городская черта раздается еще на одинъ шагъ, вбирая въ себя и кругъ слободъ. Теперь окончательно завершается сформированіе города московскаго типа: городъ состоитъ уже изъ трехъ частей: кремля, посада и слободъ. Сообразно съ этимъ и его населеніе составляется изъ трехъ группъ: 1) служилыхъ людей, временно посаженныхъ въ городъ для его обороны и для управленія, ихъ резиденція—*кремлѣ;* 2) торговцевъ и промышленниковъ, сосредоточенныхъ на *посадѣ,* и 3) мелкихъ ремесленниковъ и рабочихъ, ютящихся по *слободамъ.*

Съ такимъ обликомъ русскій городъ былъ застигнутъ началомъ XVIII столѣтія. Въ теченіе XVIII вѣка правительство удѣлило немало вниманія вопросамъ городского устройства. Обильнымъ дождемъ сыпались на русскій городъ правительственные указы, инструкціи, регламенты.

Нѣсколько разъ въ теченіе вѣка заново перестраивался порядокъ городского управленія. Но всѣ эти мѣропріятія не оставляли почти никакихъ сколько-нибудь осязательныхъ слѣдовъ на внутренней жизни города. На протяженіи всего XVIII вѣка это тотъ же самый, только что разсмотрѣнный нами до-петровскій городъ со всѣми его своеобразными особенностями. Попрежнему городъ не представлялъ собою единой сплоченной самоуправляющейся общины. Попрежнему онъ составлялся изъ нѣсколькихъ взаимно отчужденныхъ кусковъ, жившихъ обособленною жизнью. Служилые, приказные и духовные люди находились подъ вѣдомствомъ воеводы; посадъ стоялъ одиноко подъ управленіемъ своихъ выборныхъ учрежденій, представлявшихъ жалкую пародію на самоуправленіе. Городъ, какъ цѣлое, какъ единая община, совсѣмъ не существовалъ вплоть до царствованія Екатерины II. Были города, но не было городскихъ обществъ.

Внутреннее развитіе городской жизни, городского благосостоянія подвигалось медленнымъ, черепашьимъ ходомъ. Можно указать двѣ причины такой неподатливости города на правительственныя попытки его обновленія. Первая причина заключалась въ *закрѣпощенномъ* состояніи торгово-промышленнаго слоя городского населенія. Торговля и промыслы продолжали служить для посадскихъ людей обязательнымъ средствомъ для отбыванія ихъ спеціальнаго государева тягла, продолжали сохранять характеръ службы. Ростъ посадскаго тягла шелъ, такъ сказать, по пятамъ за расширеніемъ торгово-промышленныхъ предпріятій, не давая послѣднимъ возможности опериться и укрѣпиться. Въ то же время постоянныя казенныя порученія, дававшіяся посадскимъ людямъ, часто очень отвѣтственныя служебныя командировки по разнымъ счетамъ и сборамъ отражались крайне неблагопріятно на правильномъ теченіи торгово-промышленной жизни.

Другая причина коренилась въ общихъ условіяхъ тогдашняго народнаго хозяйства. Существованіе крѣпостно-

го права подтачивало экономическія силы не только деревни, но косвенно и города. Крѣпостныя вотчинныя хозяйства работали не столько на рыночный сбытъ, сколько на собственное потребленіе. Отсюда становится понятнымъ безысходный трагизмъ въ положеніи тогдашняго города. По закону городъ *обязанъ* былъ сдѣлаться центромъ торговли и промысловъ, но тогдашнія экономическія условія не давали ему никакой возможности выполнять эту обязанность, и городъ оставался на самомъ дѣлѣ большой деревней. Правительство облагало податями тѣ городскіе торгово-промышленные обороты, которые должны были существовать по буквѣ закона, но которыхъ почти еще не было, и которыя очень трудно было создать. И городъ выполнялъ свои податныя обязательства черезъ силу, изъ послѣднихъ средствъ.

Въ результатѣ городъ хирѣлъ и чахъ, представляя своимъ внѣшнимъ видомъ плачевное зрѣлище экономической малообезпеченности и культурной нищеты. Городскія улицы нерѣдко напоминали своимъ видомъ заброшенные проселки глухой деревни, проѣздъ по нимъ требовалъ большого запаса отваги. Путникъ постоянно наталкивался то на трудно-проходимый буеракъ, то на коварный мостъ, который онъ предпочиталъ тщательно объѣзжать. Мостовыхъ не было. Лишь въ немногихъ городахъ главныя улицы устилались круглыми бревнами. Деревянныя лачуги, крытыя соломой, составляли городскія зданія. За этими лачугами тянулись огороды, часто единственный источникъ пропитанія городскихъ жителей.

Съ воцареніемъ Екатерины II для русскаго города настала, казалось, новая эра. Одновременно съ жалованной грамотой дворянству, въ томъ же 1785 году была издана и жалованная грамота городамъ, впервые провозгласившая совершенно новыя понятія о городѣ и городскомъ обществѣ. Грамота узаконяла существованіе въ каждомъ городѣ *всесословнаго городского общества*, состоявшаго изъ всѣхъ городскихъ обывателей, безъ различія ихъ со-

словнаго происхожденія. Этимъ впервые были поколеблены тѣ внутреннія преграды, которыя раздѣляли городское населеніе на разрозненныя группы. Всесословное градское общество получило право: 1) избирать изъ своей среды *городского голову*, подобно тому, какъ дворянское общество избирало своего *предводителя;* 2) собираться каждые три года для совмѣстнаго обсужденія своихъ нуждъ и для подачи представленій объ этихъ нуждахъ мѣстному губернатору; 3) на этихъ же собраніяхъ избирать членовъ городскихъ учрежденій, которымъ ввѣрялось завѣдованіе городскимъ хозяйствомъ и благоустройствомъ—*общей думы* и *шестигласной думы,* игравшей при общей думѣ роль современной городской управы.

Все это были крупныя новости для городской жизни того времени. Нельзя не замѣтить, однако, что эти новости частью подверглись немалому искаженію при своемъ практическомъ примѣненіи, частью не оказывали сами по себѣ серьезнаго вліянія на усовершенствованіе городской жизни. Тому было нѣсколько причинъ. Во-первыхъ, жалованная грамота городамъ, изданная Екатериною въ 1785 году, вводя рядъ новыхъ учрежденій для управленія городомъ, не уничтожала и старыхъ. Грамота сопоставила старыя и новыя учрежденія рядомъ другъ съ другомъ съ одинаковыми задачами и правами. На ряду съ думами — общей и шестигласной, избранными городскимъ обществомъ, по прежнему осталась и *управа благочинія* — коронное полицейское учрежденіе, которому тоже было ввѣрено благоустройство и хозяйство города. Законъ не опредѣлялъ, въ какія отношенія должны были стать эти учрежденія, и молча предоставлялъ судьбы города ихъ взаимной конкурренціи.

Гдѣ молчитъ законъ, тамъ рѣшаетъ сама жизнь, а жизнь всегда рѣшаетъ въ пользу сильнѣйшаго. На практикѣ выходило какъ-то такъ, что *средства* на различныя городскія нужды выдавало всегда городское общество, а *расходованіе* этихъ средствъ оказывалось исключительно въ рукахъ коронной полиціи. Но не въ этомъ только за-

ключалась причина недостаточности результатовъ, достигнутыхъ екатерининскими преобразованіями въ отношеніи городовъ. Главная причина лежала глубже. Жалованная грамота 1785 г. измѣнила порядокъ *управленія* городомъ, но не могла измѣнить экономическихъ условій тогдашней Россіи, отъ которыхъ, какъ мы видѣли, городъ хирѣлъ и чахъ. Пока оставалось нетронутымъ крѣпостное право, эта внутренняя язва, отравлявшая скрытымъ ядомъ весь государственный организмъ, до тѣхъ поръ не могли ждать коренного улучшенія своего быта ни русская деревня, ни русскій городъ.

Оканчивая на этомъ обзоръ состоянія русскаго общества за XVIII вѣкъ, мы можемъ подвести слѣдующіе итоги нашему изложенію. Исторія русскаго дворянства за этотъ вѣкъ сводится къ постепенному *раскрѣпощенію* служилыхъ людей и превращенію ихъ въ привилегированныхъ землевладѣльцевъ и душевладѣльцевъ. Исторія русскаго крестьянства за то же время сводится къ постепенному *порабощенію* крѣпостного крестьянина, превращенію его въ настоящаго раба. Наконецъ, исторія города, какъ общественной единицы, сводится въ разсмотрѣнный періодъ лишь къ первоначальному *нарожденію* всесословнаго городского общества. Такимъ образомъ, XVIII вѣкъ является въ жизни нашего общества переходною ступенью отъ старой московской Руси къ современной намъ Россіи. Въ старой московской Руси все общество сверху до низу было закрѣпощено тяглу и службамъ. Въ XVIII вѣкѣ начался процессъ раскрѣпощенія, но въ теченіе этого столѣтія упомянутый процессъ не пошелъ далѣе высшаго общественнаго класса—дворянства. Продолжить и завершить этотъ процессъ, превратить односторонніе привилегіи дворянства въ общегражданскія права всего населенія,—такова была задача, доставшаяся на долю XIX столѣтія.

БИБЛИОТЕКА КОММУНИСТИЧЕСКОЙ